

Давайте начнем с определения, которое озадачивает, я знаю, многих любителей песенного искусства. Что такое авторская песня?

- До сих пор не знаю, четкого определения нет. Термин придумал Высоцкий, до него говорили просто: песни Окуджава, Галича, Кукина... Главное, чтобы за песнями была личность.

- Но вот вам такой текст: «Похоже на разводку: наркотики нельзя, но можно водку». Автор - личность довольно известная. Сам сочинил и сам поет.

- Песня - это все-таки то, что хочется петь, где есть музыка, в том числе и в стихе. Тут я никакой музыки не слышу.

- Пожалуйста, есть стихи и с музыкой: «Ты целуй меня везде, я ведь взрослая уже»...

- Тогда уж разберемся, что отличает авторскую песню. Некоторые говорят: это когда три аккорда и простые стихи. Да, слова могут быть простыми, но примитивизма там нет, в этой простоте - поэзия. Пусть не всегда высокая, могут быть какие-то погрешности рифмы и стили, но это всегда откровение души. А «ты целуй меня везде» - примитив, откровение не души, а некой части тела глуповатого, недоразвитого подростка.

Когда-то пятнадцатилетняя девочка по имени Консуэло Веласкес написала что-то похожее - «целуй меня крепко» (кстати, по ее словам, в том возрасте она еще ни разу ни с кем не целовалась). Так вот, по-испански у нее получилось «беса ме мучо». Разница - в таланте!

- А с чего началось ваше увлечение песнями?

- С семьи. Мама, инженер-строитель, приносила песни из походов, а папа, журналист радио, а потом АПН - на своем «репортерчике». Я на этом росла: Окуджава, Галич, Визбор, Высоцкий... Музыка меня окружала с детства, но я не была зажата в бардовские рамки. Слушала и хорошую французскую эстраду - Матье, Пиаф, Азнавура... А еще были романсы и народные песни, которые замечательно пела моя бабушка. Они необыкновенно мелодичны, и я с удовольствием их пою, хотя там слова, может, и не несут той нагрузки, что в авторской песне.

- Это почему же? «Ты гори, гори, моя лучина, догори с тобой и я» - не несет?

- Здесь другая поэтическая фактура, здесь больше фольклора, сюжета, да и авторов... словом, все другое. И нет того, что отличает авторскую песню, ставшую для меня самой главной, от всего остального, - неповторимой интонации, личной, доверительной.

Когда в 1979-м я впервые вышла на университетский конкурс художественной самодеятельности, то уже хорошо понимала все, что пою. И принимала. Если бы я могла так сама выражать свои мысли и то, что меня волнует, то хотела бы делать это языком авторской песни. Спела «Почталонку» Дмитрия Сухарева и Сергея Никитина и заняла первое место. С этого, собственно, и началось. Потом был Московский фестиваль авторской песни, Всесоюзный, Грушинский...

Однажды на концерте меня спросили: кем я себя считаю среди бардов, с которыми мы часто выступаем вместе: посредником или посланником? Я впервые задумалась: ведь сама ничего не пишу, а пою чужое... И поняла, что я действительно не только некое связующее звено между песней и слушателем, но и в какой-то степени доверенное лицо автора. Словом, человек из зала, волею судьбы вышедший на сцену.

- Наверное, помните такую популярную телепередачу - «В нашу гавань заходили корабли»? Там звучало много песен, которые можно назвать авторскими, хоть автор и неизвестен. Но все же на бардовские они мало похожи. Вот, к примеру: «Дайте ходу пароходу, поднимайте паруса, дайте мальчику свободу за красивые глаза»...

- Это близкий родственник авторской песни, потому что здесь тоже есть некий автор из народа, который однажды вот так высказался, и все записали. Это скорее городской романс, хотя называть так совсем уж какой-нибудь блатняк - тоже неправильно.

Бывает, некоторые графоманы считают, что пишут гениальные произведения, друзьям нравится. Что ж, и это творчество имеет право на существование - человек так высказался... Во всяком случае, думаю, что подобное самовыражение заслуживает большего уважения, чем нечто, сочиненное на потребу.

- А что скажете по поводу вот такого сюжета: «По этапу идет шшелон из столицы в таежные дали»?

Галина ХОМЧИК:

ПОЮ ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ЭТО НУЖНО

Она работает на телевидении, но звездой стала не с телефабрики - там такие не получают. Ей не надо скакать по сцене, поражать туалетами и привлекать внимание скандалами - все, что нужно, она может выразить голосом. Среди наших бардов у нее свое место, хоть сама не написала ни строчки. А еще ее называют миссионером звучащей поэзии, потому что Галина поет в основном авторские песни. Для этого недостаточно хорошо петь: ведь лучше всего споет свою песню сам автор. Но что делать, если песня пережила своего создателя? Или он далеко, а хочется послушать живую... При этом певица никого не копирует, интонация у нее своя, и это нравится - как слушателям, так и самим авторам. Как ей это удается?

ФОТО ЭДУАРДА ПЛЮЖКА

- Это настоящая лагерная авторская песня тех лет, когда в неволе была интеллигенция. Тут нет уголовной «романтики» убицей и насильников, что звучит сегодня по радио. Эта - фольклор времен Анатолия Жигулина, Варлама Шаламова, потому что слова здесь совсем другие. А музыка заимствована из песни «Я тоскую по родине, по родной стороне своей...» И «Ванинский порт» - из той же эпохи, я его с удовольствием и слушаю, и пою.

- «Мурку» тоже?

- Это неплохая стилизация под уголовную песню. Как, например, у Глеба Горбовского: «Когда качаются фонарики ночные, когда на улице опасно выходить»... Я хорошо отношусь к талантливым стилизациям, которые не скатываются в пошлятину и откровенную уголовщину.

- Ваш репертуар не уместится в авторской песне - тут и народная «Лучина», и Окуджава, и «Песня о Тбилиси» на грузинском, и «Шар голубой» на идише, и еще много чего. По какому принципу вы их отбираете?

- Во-первых, не шар голубой, а шарф: именно он - прототип известной нашей песни. Для меня это образец городского романса. А вообще у меня много песен из сопредельных жанров. Дело в том, что я просто люблю хорошие песни и хорошую музыку. Что значит «хорошую»? Такую, которая мне нравится. Тут критерий один - мой собственный вкус, а хорош он или плох - это рассудят слушатели и время. И еще интуиция. Откликнулось в душе или нет. Если песня чем-то меня зацепила, то беру ее в свой репертуар. А бывает - вроде все хорошо, но есть какое-то слово, о котором спотыкаюсь, - скажем, неточная рифма. Дело в том, что я окончила филфак, и у меня, наверное, обостренное

чувство языка (хотя в разговорной речи порой и сама грешу...). Тогда песня у меня не получается.

- Так замените слово! С филологическим-то образованием...

- Не имею права. В лучшем случае я могу поговорить с автором и попросить его это сделать. Например, понравилась мне песня Вадима Егорова «Бабе лето». Но она мужская, там такие слова: «Припорошен первой проседью, снова я иду по осени». Я к Вадиму - мол, можно, споем: «Снова ты идешь по осени»? И песня стала женской.

- Но не все же знакомы с Егоровым... В конце концов, песня расстается с автором и начинает самостоятельную жизнь.

- Да, расстается. Вот у него есть песня: «Друзья уходят в прошлое, как в замять...» Однажды на каком-то конкурсе к нему подошли две девочки и попросили: можно споем вам эту песню? И записали: «Мужья уходят как-то невзначай...» Видно, они ее разучивали по какой-то далекой не первой записи. Так песня и пошла в народ.

- Кто сегодня займет место таких мастеров, как Окуджава, Галич, Высоцкий? Что-то не видно равновеликих...

- Никто не займет, потому что личность неповторима. А вот что касается равновеликости... Если считать по количеству людей, которые слушают и поют их песни, то равных Окуджава и Высоцкому в наше время нет. Они гениальны тем, что их язык был понятен миллионам, эти песни пела вся страна. Зато сегодня есть другие авторы, пусть и менее народные.

- Может, просто сама авторская песня занимает в нынешней жизни меньше места, чем прежде?

- Я не понимаю таких обобщений. В чьей жизни? У всех жизнь разная. Люди, которым были нужны такие песни в 60-х - им это надо и сейчас, для них это и сегодня актуально - посмотрите, что вокруг творится!.. У кого духовное преобладает над материальным, те по-прежнему ходят на наши концерты, все так же нуждаются в духовной подпитке и нормальных человеческих ценностях. Бардовская песня позиций не сдала.

Другое дело, что телевидение, печать навязывают народу некоего монстра под названием массовая культура. Раньше человек мог выбирать: либо послушать эстрадный концерт (замечу, что в те времена эстрада была качественной, не в пример нынешней), либо сходить в кино и посмотреть неплохой трофейный фильм, либо послушать песни - не те, которые звучат по радио. Телевизор тогда не влиял на нас так, как сейчас, да и Интернет еще не появился. Возможно, потому и поклонников авторской песни было больше. И не лезла отовсюду эта назойливая, раскрученная попса.

- Но раскручивает-то ее телевидение, на котором вы, кстати, работаете... Телевизионщики почему-то пытаются на своей фабрике зажечь новые звезды, но свету от них получается мало. А вот многих действительно талантливых людей на экране не увидишь. В Останкино, конечно, вход по пропускам, но по какому, интересно, принципу их выдают?

- Нынешнее телевидение - это бизнес, рассчитанный на толпу, которая готова платить. А сегодня с деньгами, как правило, люди, далекие от культуры, - той, которая с большой буквы. Поэтому телевизионщикам неинтересно, что хотят смотреть три - пять процентов интеллигенции, которая не реагирует на рекламу: ведь у нас на руководящих

должностях не романтики, а прагматики. Они понимают: страна обывденна, и чтобы удивить массового зрителя - достаточно раздеться прилюдно. Я работаю в Останкине двадцать лет, это на моих глазах все происходило: развал, изгнание профессионалов, приход мальчиков-девочек, даже не научившихся говорить... Телевидение - отражение того, что происходит с нашим обществом.

- А что, вас это никак не касается? Приходится, наверное, учитывать вкусы людей, которые вас слушают?

- Меня трудно заставить петь то, что мне не нравится. Кстати, когда я была еще студенткой, меня приглашали на работу и в Москонцерт, и в Росконцерт. Но я отказалась, потому что поняла: придется петь там, где скажут, и перед теми людьми, перед которыми скажут. Наконец, петь то, что скажут. А я хотела петь для тех, кому это нужно, то, что мне нравится, и там, где мне хочется.

- Выходит, доперестроечной цензуры не почувствовали?

- Почти нет. Ведь я никогда не пела остросоциальных песен. На своих сольных концертах репертуар ни с кем не согласовывала, зато когда приходилось выступать в концертных программах за рубежом, то на отборочных просмотрах в ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и тому подобных организациях все очень строго выверялось - комиссия, печать, подписи... Например, песню Высоцкого «Мужчины ушли...» мне разрешили исполнять только с началом перестройки.

«Идеологи» бесцеремонно влезали и в тексты. У моих друзей Ивашенко и Васильева была песня с такими словами: «С доброй подружкой и с кружкой в руке...» Им объяснили, мол, с кружкой - это не очень, вы лучше пойте так: «С доброй подружкой, с гитарой в руке». Не помню уже, чем это кончилось.

- А как бы вы отнеслись к такому предложению?

- Думаю, что скорее песню бы заменила. Я принципиально не люблю менять слова без согласия автора.

- Часто бывает, что строчка из песни выражает жизненную позицию, а то и философию на каждый день: «Есть только миг - за него и держись», «мой адрес - Советский Союз». Или: «Партия сказала: надо, комсомол ответил: есть»... А вам какие строчки близки?

- Есть разные песни, под словами которых я могла бы подписаться как под своим отношением к жизни. Такие строчки я очень часто нахожу у Окуджава. Например, «давайте восклицать, друг другом восхищаться» - вся эта песня, от начала до конца, для меня непреодолимая мудрость. Я так сказать не могу, а поэт дает мне слова, помогает понять, что я чувствую. Любимые песни мне очень часто дают своего рода цитатник, который сидит в голове и помогает ориентироваться в жизни.

У Ольги Качановой, например, есть чудесная песня «Лыдинка»:

*А в ледоход нужна отгадка,
Но я твержу себе слова:
Что б ни стряслось со мной - ни шагу
Я не ступлю по головам.*

С этими словами я сверяю свои поступки. И когда делаю что-то не так, мне потом очень плохо от этого становится.

- Помните, вы очень тепло спели про kota - такого, себе на уме, который «греет свой зад, а вам кажется - вы им согреты»... Видел даже ваше фото с этим зверем на обложке журнала. У вас к нему особые чувства?

- Я котов обожаю. У меня кот Василий, подобранный во дворе. Я вообще в детстве часто приносила домой разных зверюшек, а потом, когда выяснилось, что у меня к ним аллергия, которая уже переросла в астму, они переселились к моим родителям. Но по-прежнему традиция подбирать на улице зверье сохраняется. Вот и сейчас у нас замечательно живут все втроем - кот Василий, кошка Леся и собака Ричи.

- Когда мы договаривались о встрече, я понял, что ритм вашей жизни очень напряженный. Не мечтаете уехать куда-нибудь, где потише и поспокойнее?

- Нет, хотя изредка делаю и это. Для меня жизнь - движение, и мне хорошо, когда каждая минута расписана. Такой ритм дисциплинирует и не дает расслабиться. Это тяжело, я иногда устаю от неустойчивости, постоянной смены городов, гостиниц, душевных поездок, самолетов, которых я боюсь... Зато чувствую, что время движется и я двигаюсь вместе с ним. Как только расслабишься - начинаешь лениться, стариться, и жизнь проходит впустую.

Евгений КРУШЕЛЬНИЦКИЙ